

Э. В. О в ч и н н и к о в

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА КАНЕВСКОЙ ГРУППЫ «ЗАПАДНОГО ТРИПОЛЬЯ» (по материалам поселения хут. Незаможник)

В статье приведены результаты анализа расписной керамики из трипольского поселения хут. Незаможник (каневская локальная группа).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Триполье, каневская группа, керамика, морфология, технология, орнаментальная схема.

Несомненно, что в эпоху энеолита керамика играла роль своеобразного этнического идентификатора. Для памятников «Западного Триполья» («западнотрипольской культуры», в дальнейшем ЗТК) ¹ такой «визитной карточкой» является рас-

1. К выделению «западнотрипольской культуры», назревшему уже давно, вплотную подвели сравнительно недавние работы по отдельным локальным вариантам ЗТК (см., напр.: Рижов 1999; 2007; Ткачук 2002; Овчинников 2007). Острая необходимость в оформлении единой структуры культурно-исторической общности Кукутень-Триполье в нашем случае возникает из-за того, что на данном хронологическом промежутке (этапы VI, CI) сосуществуют «восточнотрипольская культура» (ВТК, по Е.В. Цвек), обоснованность выделения которой не вызывает сомнения у большинства ученых, и ряд «западнотрипольских локальных групп», объединяемых пока лишь пространственным понятием «ареал». На наш взгляд, последовательная работа над структурой «Западного Триполья» в рамках выработанной понятийной колонки — памятник, тип памятников, локально-хронологический вариант, археологическая культура (АК), требующей разработки всех аспектов материальной культуры (не ограничиваясь лишь исследованием морфолого-стилистических особенностей посуды), позволит выявить глубинную суть процессов становления и самого существования «западнотрипольского» общества. Понятие «ЗТК» на сегодня является, в первую очередь, инструментом для понимания взаимоотношений «восточной» и «западной» групп трипольского населения. Дальнейшая судьба СТК и ЗТК — либо разделение на отдельные АК (по Т.Г. Мовше), либо укрупнение за счет расширения пространственных и временных рамок («прекукутено-трипольская» и «кукутено-трипольская» культуры, по Н.Б. Бурдо), — задача будущих исследований.

писная керамика. Именно обломки посуды с расписью являются наиболее массовыми находками при раскопках поселений каневской группы — отдельного локально-хронологического варианта ЗТК.

Один из памятников каневской группы — хутор Незаможник. Он находится в 2 км на северо-восток от пгт. Вильшана Городищенского района Черкасской области и расположен на мысообразном выступе плато, образованном при впадении ручья Волга в р. Журавку. Площадь поселения составляет более 20 га. Большая его часть занята колхозным полем, а меньшая — хуторскими усадьбами. «Площадки» расположены по кругу, с напольной стороны поселения прослеживается дополнительное полукольцо построек. Памятник интенсивно разрушается вспашкой.

Открыто поселение И.П. Гуриненко в 1984 г. В 1985—86 гг. здесь проводили разведки Е.В. Цвек, В.А. Круц, С.Н. Рыжов, Г.Т. Ковпаненко и др. С 1996 г. разведки, а в 1999—2000 гг. стационарные раскопки велись автором. В результате были полностью исследованы три наземные постройки — «площадки», комплекс углубленных объектов и гончарная мастерская (Овчинников 1999; 2001—2002; 2002; 2004; Овчинников, Черновол 1999; Овчинников, Черновол, Гуриненко 2001).

Коллекция находок из раскопок, в числе которых фрагменты и целые формы керамической посуды, антропоморфная пластика, орудия труда и др., хранится в Научных фондах Института археологии НАНУ. Материалы из сборов И.П. Гуриненко 1980—90-х гг. представлены в экспозиции и фондах Музея истории Вильшаны. Фактически, по массовости и разнообразию представленных форм, а также хорошей сохранности орнаментов, керамический комплекс хут. Незаможник на сегодня является наиболее представительным для памятников каневской группы ЗТК. В данной статье приведены результаты анализа 1292 единиц расписной посуды.

Технология каневской расписной керамики имеет свои особенности, отличающие ее от изделий соседних локальных образований Триполья. Характерной чертой является широкое использование ожелезненных глин (т. н. «пестрые»), где отощителем служит естественная примесь пылевидного песка, и которые приобретают после обжига разные оттенки оранжевого цвета. Примесями, вероятно, не влияющими на технологию изготовления, являются единичные вкрапления шамота, гематита, известняка, реже зерна злаков. Такая технология сырья применялась для 70—90 % всей керамики в каневских комплексах. Время ее появления в Триполье Э.В. Сайко определяет концом этапа В I (Сайко 1984, с. 142, 143), а ее истоки для памятников Каневского Поднепровья следует искать в допетренских поселениях Поднепровья (Мовша 1984, с. 13). Пути проникновения этой технологии в каневский регион прослежены недостаточно. Несомненным представляется ее существование в некоторых памятниках Побужья, где основу керамических комплексов составляют изделия именно с такой технологией сырья (Кринички, Немиров и др.).

В коллекции из хут. Незаможник присутствуют, хотя и в несравнимо меньшем количестве, изделия с другими технологическими характеристиками. Так, керамические массы изготавливались на основе каолинистых «белых» глин, отощенных крупнозернистым песком, дресвой из зерен гранита, кварца, а позднее и примесью более тощих ожелезненных глин. Керамика после обжига приобретает белый, желтовато-серый, светло-серый оттенки, а при смешении каолинистых и ожелезненных глин — различные оттенки кирпичного цвета, с разделением цветов вкраплений или прослоек. Черепок при этом имеет характерную шероховатость. Такая технология сырья присуща керамике владимировско-томашовского локального варианта ЗТК. В каневских комплексах она встречается редко, отражая, таким образом, интенсивность контактов «каневцев» с западными соседями. Лишь на одном объекте хут. Незаможник — «площадка» № 2 — такая керамика достигает 4,3 %.

Единичными экземплярами представлены сосуды, изготовленные либо из ожелезненной глины со специально внесенной примесью песка, либо из каолинистых белых глин без искусственно введенного отощителя. Наивысший процент подобных изделий (7 % и 2,8 % соответственно) также дает «площадка» № 2 хут. Незаможник. Повидимому, здесь отражены попытки адаптации одной технологии сырья в другую.

Формовка сосудов шла вручную. Эту стадию в изготовлении керамических изделий относят к субстратным (т. е. наиболее устойчивым) навыкам гончарных технологий, не реагирующим на возникновение критических ситуаций, а при адаптации принимающим участие как бы в замедленном режиме (Актуальные проблемы... с. 66, 67). На хут. Незаможник традиционно применялись методы «кольцевого» и «лоскутного» налепов, а сосуды биконических форм, в т. ч. кубки, лепились из двух половин — верхней и нижней. Особое внимание уделялось креплению венчика, днища, ручек (подробнее см.: Маркевич 1981; Цвек 1994).

Благодаря новым лабораторным методам, на образцах из гончарной мастерской хут. Незаможник удалось зафиксировать следы применения поворотного механизма во время конечной фазы формирования изделий (Балановский и др. 2003, с. 150—156).

Поверхность сосудов подвергалась специальной поэтапной обработке. Внешняя поверхность изделий, а у мисок и внутренняя, хорошо заглаживалась и покрывалась тонким слоем ангоба-обмазки красновато-оранжевых оттенков. Ангобированная поверхность украшалась темно-коричневой росписью, а затем ложила.

Обжигалась расписная керамика всегда в окислительной среде, равномерно и при высокой температуре (700—900 °С). Качество изделий, найденных на хут. Незаможник, высокое, черепок крепкий, легкий¹.

Морфологический анализ важен при определении назначения керамических изделий. Для описания форм расписной керамики всего «Западного Триполья» на сегодня существует устоявшаяся терминология, а наиболее обобщающая и дробная классификация морфолого-стилистических признаков разработана С.Н. Рыжовым (Рыжов 1999; 1999а, с. 178—248; 2000).

По форме посуда из хут. Незаможник делится на 13 типов: миски, сосуды сфероконические, биконические, грушевидные, реповидные, биноклевидные, горшки, кратеры, кубки, кубковидные (кратеровидные, 2-й подтип, по С.Н. Рыжову), амфоры, крышки, миниатюрные копии сосудов. Некоторые из них, в свою очередь, делятся на подтипы и варианты. Несмотря на широкий ассортимент форм, достаточным количеством экземпляров представлены далеко не все из них.

Миски всегда составляют наибольшее количество единиц посуды. В среднем это около 60 %². Срезаноконическая форма (рис. 1, 1—2, 4, 6; 2, 7—9) преобладает, составляя до 56 % («площадка» № 2, яма «а»). Меньшим количеством представлена полусферическая форма — 4,6 % (рис. 1, 3, 5; 2, 1—3, 5). Миски с зооморфными деталями в виде четырех ножек, «букраниями» и т. п., редки и составляют не более 2% (рис. 2, 4). Т. н. «закрытая» форма вообще не характерна для каневской группы и представлена в коллекции лишь одним экземпляром (рис. 2, 6).

Вторая по количеству найденных единиц форма — *сфероконическая*: это сосуды со сферической средней частью и коническими верхом и низом. Они бывают как узко-, так и широкогорлыми (рис. 3, 1—6; 7, 1, 6). Их доля среди других типов посуды достаточно стабильна во всех фазах каневской группы. Формы этих изделий, часто тонкостенных, достаточно изящны. В коллекции

1. Известно, что керамика из каневских поселений, которые мы относим к позднейшим фазам существования группы, имеет высокий процент (более 50 %) образцов низкого качества, «недожженных», рассчитанных, видимо, на кратковременное использование. Объясняется это может кризисом гончарного производства накануне распада каневского локального варианта ЗТК.

2. Все показатели в процентах даются исходя из общего количества единиц расписной посуды, найденной на памятнике, либо, в оговоренных случаях, на отдельном объекте.

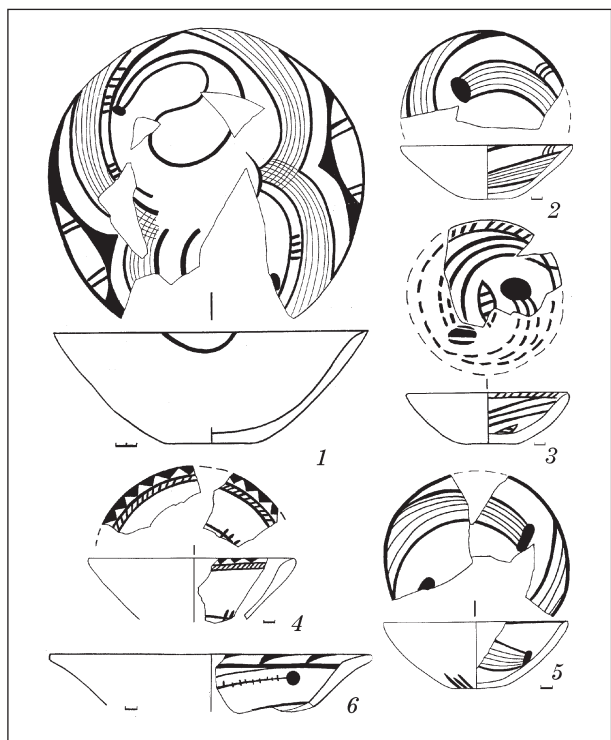

Рис. 1. Хут. Незаможник, миски срезано-конические — 1, 2, 4, 6, полусферические — 3, 5

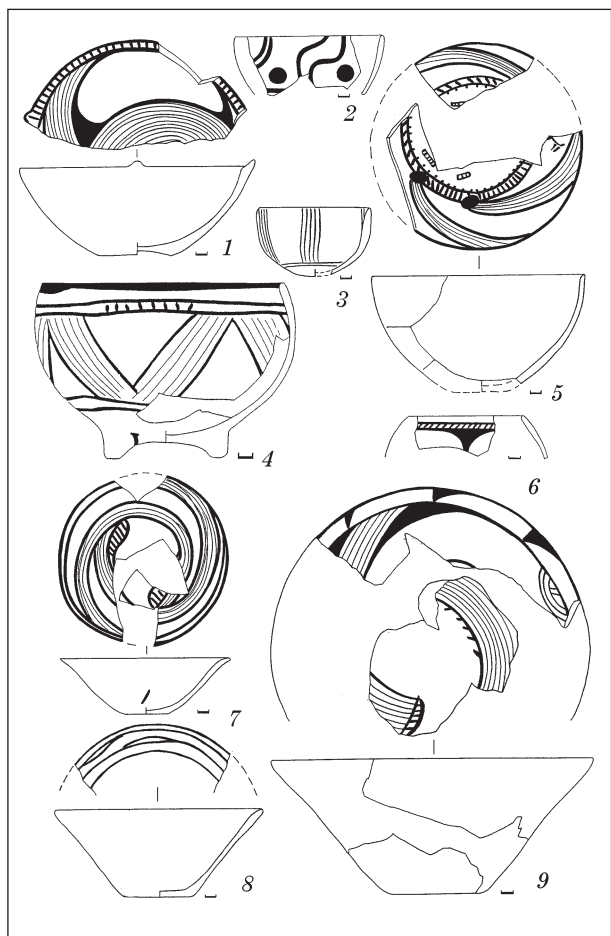

Рис. 2. Хут. Незаможник, миски полусферические — 1, 2, 3, 5, с зооморфными деталями — 4, закрытого типа — 6, срезано-конические — 7—9

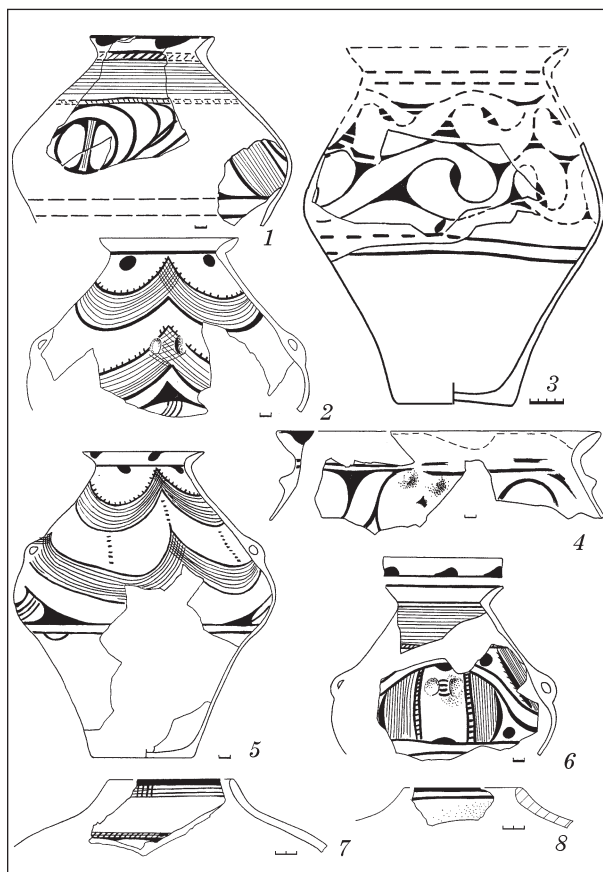

Рис. 3. Хут. Незаможник, сосуды сфероконические — 1—6, грушевидные — 7, 8

из хут. Незаможник сфероконические сосуды составляют 18—22 % в разных объектах.

Появление биконических сосудов является одной из тенденций этапа С I (Маркевич 1981, с. 58) и связано с изменениями в технологии лепки больших сосудов закрытых форм — теперь изделия составляются из отдельно вылепленных усеченных конусов. В каневских комплексах такие сосуды единичны. Известны либо импорты, либо подражания «томашовским» образцам, изготовленные местными мастерами. На хут. Незаможник в яме № 5, найден лишь один фрагмент импортированного биконического сосуда, изготовленного по «томашовской» технологии (рис. 7, 5).

Горшки — широкогорлые приземистые сосуды с невысоким резко профилированным венчиком — известны на всех каневских комплексах. Прослежена тенденция их постепенного процентного увеличения от ранних фаз к поздним — с 0,2 % до 10 %. На хут. Незаможник они составляют около 3 % (рис. 6, 3, 5—6).

Кратеры близки по форме горшкам, но отличаются наличием высокого воронковидного венчика, диаметр которого превышает или равен диаметру плечиков сосуда в каневской группе. Прослежено постепенное снижение доли кратеров от ранних фаз к поздним — с 15 % до их полного отсутствия. Очевидно, горшки и кратеры расценивались как близкие в функциональном и, возможно, семантическом значении, что привело к замещению одной формы («архаической») другой (более «сов-

Рис. 4. Хут. Незаможник, кубки

ременной»). На хут. Незаможник кратеры составляют от 1,4 до 8 % в разных объектах (рис. 6, 1—2, 4).

Кубки — небольшие сосуды тюльпановидной или биконической формы со слабо профилированным венчиком. Они представлены во всех фазах каневской группы, на хут. Незаможник, яма № 5, составляют 10,6 % — наибольший процент для каневской группы вообще. Видимо, благодаря своим небольшим размерам, а также высокой значимости в обрядовой деятельности, эта форма наиболее вариативна. Особенности морфологии кубков, выраженные в подтипах, достаточно четко маркируют фазы развития керамических комплексов. Так, кубки хут. Незаможник уже биконичны, однако, ребро расположено ниже 1/2 высоты сосудов (рис. 4, 5—8, 11—12; 5, 3). Все еще встречается, хотя и редко, более ранняя тюльпановидная форма (рис. 5, 1—2).

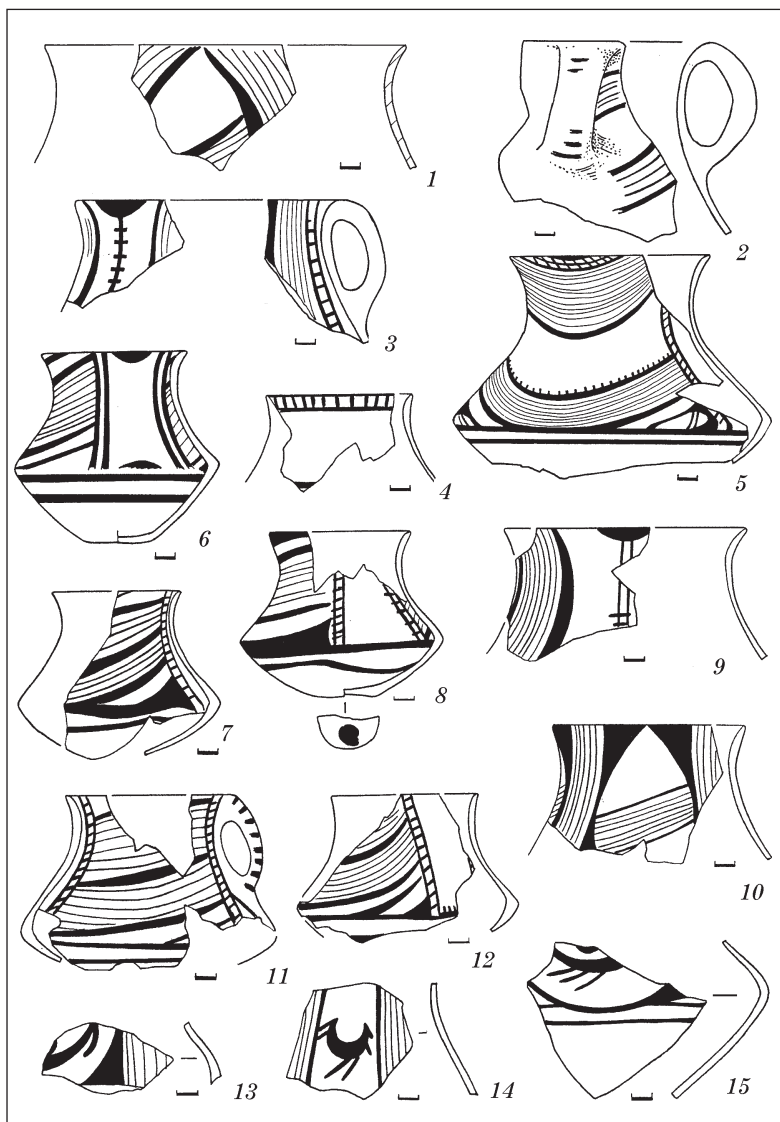
Другие морфологические типы представлены намного меньшим количеством сосудов.

Кубковидные сосуды — сфероконическая форма с высоким тюльпановидным венчиком — встречаются на каневских памятниках в единичных случаях. На хут. Незаможник найдено наибольшее их количество — от 1 до 7,3 % на разных объектах (рис. 7, 2). В более поздних фазах эта форма полностью исчезает.

Амфоры — сфероконическая форма с двумя ручками-«ушками» под узким горлом с резко профилированным венчиком — нетипичны для каневских комплексов. Редкие образцы выполнены, как правило, по владимировско-томашовской технологии и, вероятнее всего, являются импортами. На хут. Незаможник найдены фрагменты четырех амфор. Среди них наиболее показателен фрагмент из ямы № 4. Сосуд, старательно изготовленный местным мастером по каневской технологии и расписанный густыми мазками черной краски по темнокрасному ангобу, получился толстостенным, с тяжелым черепком (рис. 7, 4).

Грушевидные сосуды — сфероконическая форма с узким горлом и непрофилированным венчиком — присутствуют во всех фазах каневской группы, однако представлены очень незначительным количеством. Так, на хут. Незаможник, где они встречаются чаще всего, эта форма составляет лишь около 2 % (рис. 3, 7—8).

Крышки — еще более редкий тип. На хут. Незаможник найдено восемь экз., что составляет менее 0,7 %. Здесь известна лишь одна их разновидность — в виде перевернутых уплощенных кратеров или мисок, т. н. шлемовидные (рис. 5, 5—7).

Миниатюрные копии сосудов рассматриваются нами как отдельный морфологический тип. Об их функциональном назначении высказывались различные мнения. Безусловным, на наш взгляд, представляется использование миниатюрных сосудов в обрядовой деятельности. Их количество обычно невелико (около 0,5%), встречаются они во всех каневских комплексах. В яме «а» хут. Незаможник их встречено наибольшее количество — 4 экз., что составило 1,8 % для этого объекта (рис. 8, 2—11).

Биноклевидные сосуды в виде двух полых трубок с раструбами на концах, соединенных перемычками, также относятся к ритуальным. Из хут. Незаможник происходят три фрагмента (рис. 8, 1).

Реповидные сосуды — приземистый корпус с высокой конической шейкой — являются уникальными для каневской группы, причем их форма существенно трансформируется во времени¹. По-видимому, именно к этому морфологическому типу относятся фрагменты сосуда из ямы № 5 хут. Незаможник (рис. 7, 3).

1. По одному экземпляру найдено в Валяве, Вильшане I, Пекарях II.

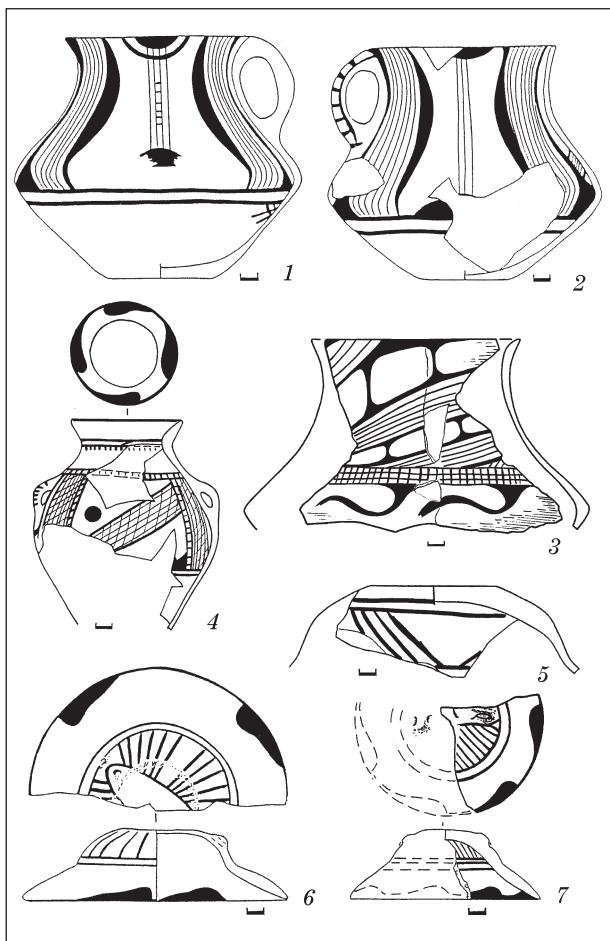

Рис. 5. Хут. Незаможник, кубки — 1—3, сфероконический сосуд — 4, крышки — 5—7

Стилистика орнаментов. Элементы росписей на каневских керамических изделиях можно разделить на две группы. Это основные детали, с помощью которых образуется общая схема, и отдельные мотивы, выступающие либо как самостоятельные знаки, либо служащие дополнениями в основной композиции. Общие схемы образуются с помощью контурных линий разных конфигураций, которые могут выступать как самостоятельные фигуры, отделять орнаментальный фриз и делить его на зоны. Частым элементом в орнаментах выступают разнонаправленные ленты (прямые вертикальные, горизонтальные, идущие наискосок, закругленные — т. н. «фестонь», «комета», «сегменты» и др.). В них пространство между контурными линиями заполнено тонкими продольными линиями. Закрашенные треугольники выступают как неотъемлемые детали таких схем. Они образуются при соединении контурных линий, выступают основой узора, из которой как бы вырастают определенные фигуры. Могут применяться и самостоятельно, образуя ряды, опоясывающие венчики, шейки, плечики сосудов. Ряды или группы коротких поперечных отрезков используются в сочетании с продольными контурными линиями, образуя т. н. «реснички», «ножки», или самостоятельно, как бы соединяя различные зоны орнамента. Косая или прямая «сетка», хорошо известная по владимировско-то-

машовским комплексам, на каневской керамике встречается в редчайших случаях. Дополнительными элементами служат: каплевидные мотивы, черные круги, овалы или полуовалы, листообразные фигуры, полумесяц, заштрихованные линзовидные фигуры либо отрезки полос, образующие, т. н. «лесенки», «колоски», «гребенку», «елочку» и т. п. Типичным для каневских орнаментов является очень стилизованное изображение «летающего пса».

Основными орнаментальными схемами для каневской керамики являются: фестонная, «тангентенкрайсбанд», меандровая (ее вариации: S-образная, листовидная, волютная), упрощенно-линейная, сегментовидная, метопная, «лицевая», схема концентрических кругов, волнообразная, радиальная, кометообразная, восьмерковидная.

Кометообразная и восьмерковидная схемы используются в оформлении мисок. В ранних каневских фазах обе схемы занимают приблизительно равные позиции. В хут. Незаможник их доля в общем количестве зафиксированных орнаментов составляет около 11 и 12,5 % соответственно. В оформлении мисок начинает также появляться *схема концентрических кругов* (менее 1 %). В одном случае зафиксирована она на биноклевидном сосуде (рис. 8, 1). В последующих фазах 2-й пол. этапа С I эта схема становится еще более актуальной, встречаясь даже на кубках.

Упрощенно-линейная схема объединяет несколько вариаций, образованных минимальным

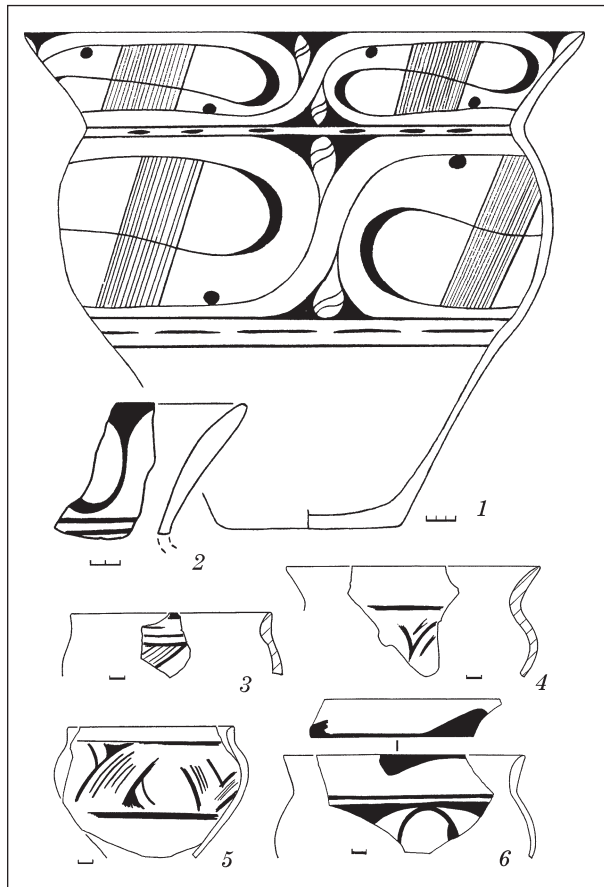

Рис. 6. Хут. Незаможник, кратеры — 1, 2, 4, горшки — 3, 5, 6

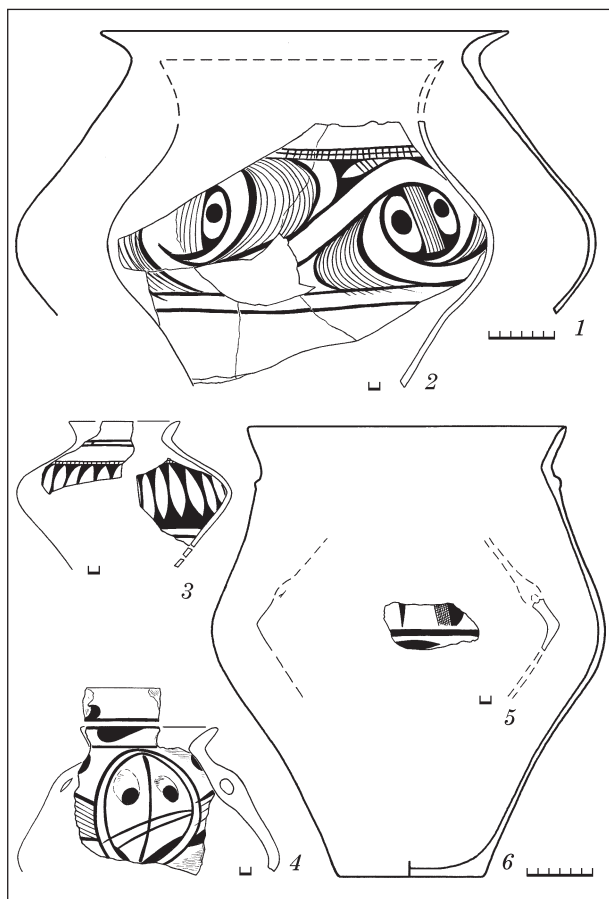

Рис. 7. Хут. Незаможник, сосуды сфероконические — 1, 6, кубковидный — 2, реповидный (?) — 3, амфора — 4, биконический — 5

количеством элементов. Применяются вариации и как самостоятельная схема (рис. 1, 4, 6; 2, 2—4, 8; 6, 3, 5; 7, 3), и как дополнение к какой-либо другой схеме, являющейся основной. Встречаются на сосудах практически всех форм, в том числе и на мисках. В хут. Незаможник упрощенно-линейная схема занимает достаточно представительное место — около 16 %.

Фестонная схема широко применяется в каневских орнаментах в оформлении основного орнаментального фриза на сосудах закрытых форм. «Фестоны» служат также дополнительными элементами на мисках, внутренней стороне венчиков кратеров, сфероконических сосудов и др. Изредка «фестоны» украшали и внешнюю сторону полусферических мисок. Эту схему можно рассматривать как основную для каневской группы. Присутствуя уже в начале формирования группы в достаточно представительном количестве — 12,7 %, доля «фестонов» неуклонно увеличивается, достигая 41 % на последних ее фазах. В хут. Незаможник фестонная схема составляет 16 % от общего количества орнаментов (рис. 3, 2, 5; 4, 5).

Меандр известен в каневских росписях на сосудах закрытых форм во всех фазах развития группы. Однако степень встречаемости отдельных вариаций меандровой схемы различна. Так, «S-образный» вариант известен в ранних фазах. Например, в орнаментах хут. Незаможник он ис-

пользуется приблизительно в 5 % случаев (рис. 5, 3; 6, 1, 2).

«*Волоты*» — спирали с листовидным окончанием, на всех фазах присутствуют в небольшом количестве, за исключением середины этапа С I, когда наблюдается неожиданное повышение интереса к волотной вариации меандра. В хут. Незаможник доля «волот» составляет 3 % (рис. 6, 6). Близка волотной еще одна вариация — *листовидная*, когда две спирали, идущие навстречу друг другу, соединены одной листовидной фигурой. Являясь ведущей в самом начале существования каневской группы, в дальнейшем, в т. ч. в хут. Незаможник, она представлена очень незначительно — менее 1 % (рис. 3, 3).

Метонная и *сегментовидная* схемы применяются в оформлении кубков малых (первая, рис. 4, 3, 5—12) и больших (вторая, рис. 4, 1, 3, 9; 5, 1—2) форм. Процент кубков в разновременных каневских комплексах достаточно стабилен, как и встречаемость этих схем. В хут. Незаможник они представлены 13 % и 4,3 % соответственно.

«*Лицевую*» схему можно отнести к наиболее редким. Достаточно представительна она выглядит лишь в начале существования группы (6,4 %). Затем происходит довольно быстрое исчезновение схемы из каневских орнаментов. Так, например, в хут. Незаможник она зафиксирована лишь в трех случаях, что составляет менее 1 % (рис. 7, 4).

Схема «*тангентенкрайсбанд*», почти неизвестная в начале формирования каневской группы, в

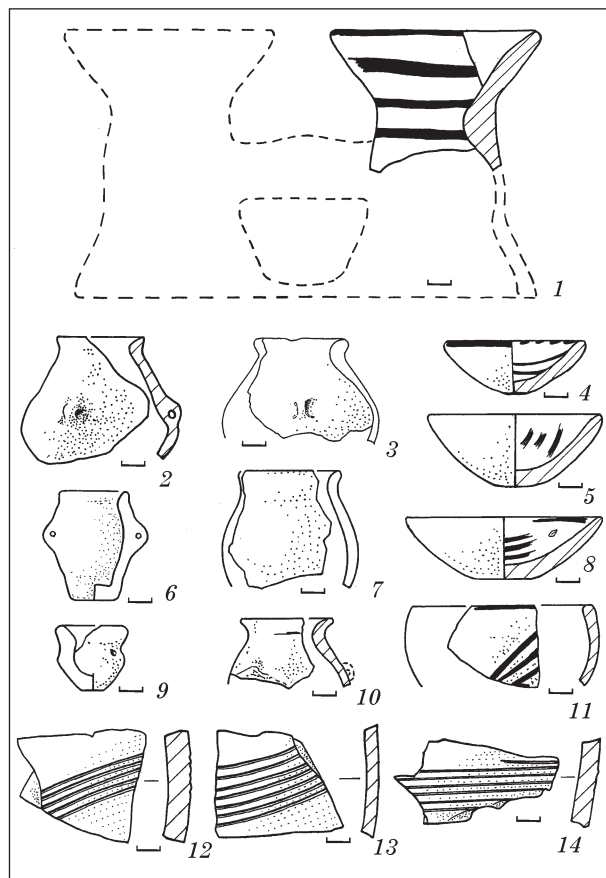

Рис. 8. Хут. Незаможник, сосуды: биноклевидный — 1, миниатюрные — 2—11, с углубленной орнаментацией — 12—14

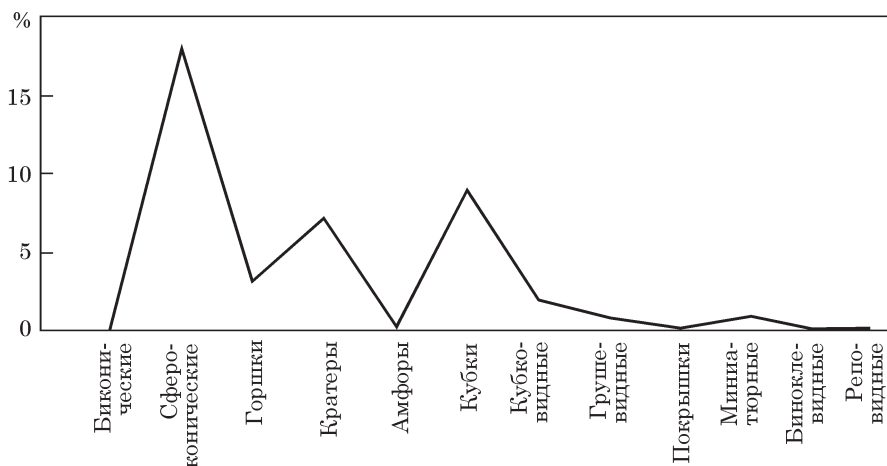

Рис. 9. Хут. Незаможник, морфология расписной керамики

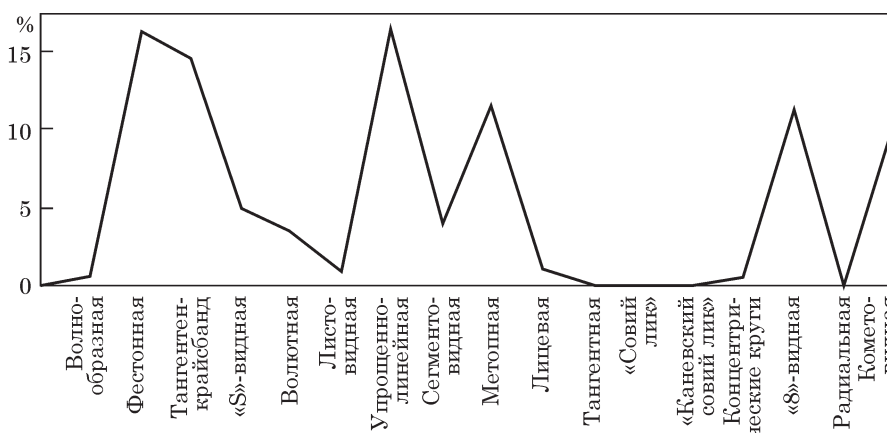

Рис. 10. Хут. Незаможник, орнаментальные схемы расписной керамики

1-й пол. этапа С I занимает одно из ведущих мест в росписях на сосудах закрытых форм. В хут. Незаможник она составляет 14 % (рис. 3, 1; 7, 2).

«Тангентная» схема в каневских комплексах, в т. ч. в хут. Незаможник, известна лишь по единичным томашовским импортам (рис. 7, 5(?)).

Волнообразная и радиальная схемы являются такими же редкими для каневской керамики. В хут. Незаможник первая представлена на сфероконическом сосуде (рис. 3, 6), а вторая — на шлемовидных крышках (рис. 5, 6—7).

Схема «совиный лик» в своем «классическом» виде в каневских орнаментах, в т. ч. на керамике хут. Незаможник, неизвестна. Только со 2-й пол. этапа С I используются ее отдельные элементы — концентрические кольца с черным кругом в центре. Схема, где эти элементы расположены в одном горизонтальном фризе с разделением их трансформированными волютами, получившая название «каневский совиный лик», на керамике хут. Незаможник также не выявлена.

Как отдельная подгруппа рассматриваются сосуды, аналогичные по технологии изготовления, но украшенные углубленными линиями с окраской отдельных зон поверхности. Их количество не составляет и десятой доли процента. Тем не менее, такая керамика встречается в ранних фазах, в т. ч. в хут. Незаможник. Наиболее типичной формой можно считать грушевидную. Схемы декора образованы углубленно-желобчатыми продольными линиями, которые komponуются по четыре и больше в ленты различной конфигура-

ции. Линии выполнены технически небрежно, неумело. Чаще они нанесены с помощью «гребня» по типу «расчесов» на «кухонной» посуде (рис. 8, 12—14). Все признаки наглядно свидетельствуют об отмирании углубленной техники, что и происходит в последующих фазах.

Необходимо добавить, что в хут. Незаможник не прослежено повышенное насыщение орнаментов отдельными знаками-символами. Резкое увеличение количества «черных кругов», «колосков», полумесяцев с «ресничками», зооморфных изображений, появления новых мотивов («разделенное дерево») фиксируется в каневских орнаментах с середины этапа С I, достигая своего пика в конце этапа.

Таким образом, в расписной керамике хут. Незаможник наглядно прослежены локальные особенности, как в ассортименте морфологических типов, так и в преобладании определенных орнаментальных схем. Убедительную картину самобытности каневской керамики показывает перечень форм сосудов. Помимо привычного преобладания конических мисок, в коллекции из хут. Незаможник доминируют сфероконические сосуды. Присутствуют в достаточном количестве кубки, кратеры, горшки (рис. 9). В то же время, многие формы, такие как биконические, грушевидные сосуды, амфоры и др., присущие владимировско-томашовской керамике (Рижов 1999а, с. 407, рис. 108, с. 412, рис. 113), представлены здесь минимально. Так, например, во владимировскотомашовских коллекциях «бинокли» составляют от 2—2,6 % (владимировско-не-

белевские фазы) до 0,7 % (поздние томашовские фазы). В каневской группе, в т. ч. в хут. Незаможник, их найдено всего несколько экземпляров.

Ведущее место в развитии орнаментов, представленных в хут. Незаможник (рис. 10), занимают фестонная схема, «тангентенкрайсбанд» и традиционная для западнотрипольских комплексов упрощенно-линейная схема. Во владимировско-томашовской керамике фестонная схема актуальна только в ранних фазах, а затем ее доля редко превышает 5 %, постепенно снижаясь к концу этапа С I (Рижов там же). Одно из ведущих мест, вплоть до середины этапа С I, занимают здесь «S»-образные вариации меандра. Затем их замещают «волотью» (Рижов, там же). Процент «лицевой» схемы устойчив и колеблется между 6 и 16 % (Рижов, там же). Невысока роль «тангентенкрайсбанда». Лишь в небелевских и 1-й томашовской фазах его доля составляет 4—5 %, неуклонно снижаясь к концу этапа С I (Рижов там же). В то же время, не использовавшаяся на каневской керамике «тангентная» схема появляется во владимировско-томашовских комплексах уже в небелевских фазах, а на этапе С I составляет от 15 до 32 % орнаментов (Рижов там же).

Наконец, технология изготовления каневской керамики, безусловно, с учетом региона распространения (Среднее Поднепровье), исключает ее смешивание с керамическими изделиями соседней владимировско-томашовской группы ЗТК.

Незначительное наличие вариаций меандра, занимавшего ведущие позиции в западнотрипольских орнаментах 2-й половины этапа В II, почти полное отсутствие схемы концентрических кругов, широко использующейся во 2-й половине этапа С I, а также преобладание, пусть и небольшое, кратеров над горшками дает возможность корректировать относительную датировку хут. Незаможник и синхронизировать его с памятниками рубежа этапов В II / С I, а скорее начала этапа С I.

Как известно, каневская локальная группа памятников Западного Триполья вызывает достаточно острую дискуссию. Это довольно большой массив, занимающий часть лесостепной ландшафтной зоны правобережья Среднего Поднепровья вдоль нижнего течения Роси, Вильшанки, частично, в бассейне р. Тясмин. На сегодня в регионе известно около 90 пунктов. Историография по проблеме небольшая (Пассек 1949, с. 131; 1949а, с. 212; Мовша 1971; 1972; 1988, с. 86, 106—107; 1993, с. 42; Видейко 1987; Круц, Рижов 1985; Рижов 1993; 1999а, с. 60; 2003, с. 52; Овчинников 2003; 2007). Однако очевидно, что мнения ученых существенно расходятся по ряду вопросов, как-то: время существования, хронология, статус среди других локальных образований Триполья.

Решение поднятых проблем стало возможным благодаря хронологическим шкалам, разработанным для соседних регионов — Киевского Поднепровья (Круц 1977; Видейко 1998; 2001; 2002) и Буго-Днепровского междуречья (Круц, Рижов 1985; Рижов 1993; 1999; 2000). Возможность проследить дальнейшую историческую судьбу «каневского» населения дали исследования на Левобережье Днепра (Бузян 1994, 1998). Наконец, по распространению находок каневской пластики

предложена модель влияний «каневского центра» на соседние локальные образования Триполья (Якубенко 2000).

Мы рассматриваем каневскую группу как целостное явление с определенными территориальными и хронологическими параметрами. По сути, это отдельный локально-хронологический вариант археологической культуры (в данном случае ЗТК) в его устоявшемся понимании (Формализованно-статистические методы... 1990, с. 123—126). Абсолютную самостоятельность каневского локального варианта, наряду с подобными ему владимировско-томашовским, чечельницким, петренским и др. вариантами ЗТК¹, подтверждают все доступные категории артефактов, начиная от региональной специфики и заканчивая особенностями знаковой символики на керамических изделиях. В данном случае, комплекс находок хут. Незаможник иллюстрирует состояние каневской группы памятников в момент наиболее стабильного периода — 2-й фазы развития в начале этапа С I.

1. Понятия «локальный вариант культуры» и «локальная группа» используются как равнозначные.

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского / СамГПУ, Инт истории и археологии Поволжья. — Самара, 1999. — 233 с.

Балановский А.В., Сингатулин Р.А., Овчинников Э.В. Новые подходы к изучению керамики трипольской культуры // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году: Сб. науч. тр. — Саратов, 2003. — Вып. 5. — С. 150—156.

Бузян Г.Н. Новые поздне трипольские памятники на Левобережье Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э.: М-лы между арх. конф., Тирасполь, 10—14 окт. 1994 г. — Тирасполь, 1994. — С. 70—73.

Бузян Г.М. Дослідження пізньотрипільського поселення Крутуха-Жолоб поблизу Переяслава // Переяславська земля і світ людини: М-ли конф. — К. — Переяслав-Хмельницький: Пальмира, 1998. — С. 4—7.

Видейко М.Ю. Каневская группа трипольских поселений // Современные историко-археологические исследования. — К., 1987. — С. 61—66. — Деп. в ИНИОН АН СССР 2.02.1989, № 36853.

Видейко М.Ю. Триполье и неолитические общества на Среднем Днепре: вопросы взаимодействия // Od neolityzacji do poczatkow epoki brazu. — Poznan: Wyd-wo Poznanski, 2001a. — S. 215—229: ил.

Видейко М.Ю. Локальные группы трипольской культуры на Среднем Днепре // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V век н. э.: М-лы между археолог. конф. (10—14 окт. 1994 г.) — Тирасполь, 2002. — С. 60—62.

Круц В.А. Поздне трипольские памятники Среднего Поднепровья / АН УССР. ИА. — К.: Наук. думка, 1977. — 160 с.

Круц В.О., Рижов С.М. Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи // Археологія. — 1985. — Вип. 51. — С. 45—56;

Маркевич В.И. Поздне трипольские племена Северной Молдавии / АН МССР. Отд. этнографии и искусствоведения. — Кишинев, 1981. — 194 с.

Мовша Т.Г. Середній етап трипільської культури // Археологія Української РСР: У 3 т. / АН УРСР. ІА. — К., 1971. — Т. 1: Первісна археологія. — С. 165—177.

Мовша Т.Г. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілья // Археологія. — 1972. — Вип. 5. — С. 3—23.

Мовша Т.Г. Томашевская локальная группа Трипольско-кукутенской общности // *Studia Praehistorica*. — Sofia, 1988. — № 9. — С. 84—110;

Мовша Т.Г. Трипільсько-кукутенська спільність — феномен у стародавній історії Східної Європи (до проблеми виділення культур) // ЗНТШ. — 1993. — Т. ССХХV: Праці історично-філософської секції. — С. 24—58.

Овчинников Э.В., Черновол Д.К. Охранные работы на трипольском поселении хутор Незаможник // *ABU* 1998—1999 pp. — К., 1999. — С. 128—131.

Овчинников Э.В. До питання про трипільське житлобудівництво (за результатами розкопок поселень хутор Незаможник і Зелена Діброва) // ЗНТШ. — Львів, 2002. — Т. 244. — С. 115—139.

Овчинников Э.В., Черновол Д.К., Гуриченко І.П. Раскопки на трипольском поселении х. Незаможник // *ABU* 1999—2000 pp. — К., 2001. — С. 174—177.

Овчинников Э.В. Хутор Незаможник // *Энциклопедия Трипольской цивилизации*. — К., 2004. — Т. II. — С. 580—582.

Овчинников Э.В. Производственно-хозяйственный комплекс трипольского поселения у хутора Незаможник // *Stratum plus*. — 2001—2002. — № 2. — С. 260—274.

Овчинников Э.В. Трипільська культура на Канівщині // Трипільська цивілізація у спадщині України: Матер. та тези доп. конф., присвяч. 110-річчю відкриття трипільської культури, м. Київ, 30—31 трав. 2003 р. — К., 2003. — С. 288—299.

Овчинников Э.В. Трипільське населення Нижнього Поросся (етапи В II — С I): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. — К., 2007. — 20 с.

Пассек Т.С. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.) // *МИА*. — 1949. — № 10. — 248 с.

Пассек Т.С. Пороська археологічна експедиція за 1945 р. // *АП*. — 1949а. — Т. 1. — С. 209—222.

Рижов С.М. Небелівська група пам'яток трипільської культури // *Археологія*. — 1993. — № 3. — С. 101—114.

Рижов С.М. Кераміка поселень трипільської культури Буго-Дніпровського межиріччя як історичне джерело: Дис. ... канд. іст. наук // *НА ІА НАНУ*, 1999а. — Ф. № 12, № 789. — 435 арк.

Рижов С.М. Кераміка поселень трипільської культури Буго-Дніпровського межиріччя як історичне джерело: Автореф. дис. ... канд. істор. наук. — К., 1999. — 20 с.

Рыжов С.М. Расписная керамика томашовской группы трипольской культуры // *Stratum plus*. — 2000. — № 2. — С. 459—473.

Рижов С.М. Трипільська культура Середнього Подніпров'я // *Відпочивайте в селах Київщини. Путівник-довідник*. — К., 2003. — С. 48—55.

Рижов С.М. Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільності Кукутен-Трипілья на території України // *О. Ольжич. Археологія*. — К., 2007. — С. 437—477.

Сайко Э.В. Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // *Studia Praehistorica*. — София, 1984. — Вып. 7. — С. 131—152.

Генинг В.Ф., Буянтян Е.П., Цустовалов С.Ж., Рыжов Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / *АН УССР. ИА*. — К., 1990. — 304 с.

Цвек Е.В. Гончарное производство племен трипольской культуры // *Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине / АН Украины. ИА*. — К., 1994. — С. 55—95.

Якубенко О.О. Трипільська розписна пластика з розкопок В.В. Хвойки в Середньому Подніпров'ї // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію: До 150-річчя від дня народження: Темат. зб. наук. пр. — К., 2000. — С. 125—148.

хеологію: До 150-річчя від дня народження: Темат. зб. наук. пр. — К., 2000. — С. 125—148.

Э. В. О в ч и н н и к о в

РОЗПИСНА КЕРАМІКА КАНІВСЬКОЇ ГРУПИ «ЗАХІДНОГО ТРИПІЛЛЯ» (за матеріалами поселення хут. Незаможник)

У статті проведено аналіз розписної кераміки одного з поселень канівської групи Західного Трипілья. Особливості керамічного комплексу з хут. Незаможник розглянуті із максимальним урахуванням ознак — технологічних, морфологічних, стилістичних. Порівняння характеристик канівської кераміки і володимирівсько-томашівських виробів вказує на їхню відособленість і цілковиту самотність першої. Характерною особливістю керамічного комплексу з хут. Незаможник є великий відсоток сфероконічних посудин, а переважаючими орнаментальними схемами є фестонова, «тангентенкрайсбанд» та традиційна для західнотрипільських колекцій спрощено-лінійна. Нарешті, технологія виготовлення канівської кераміки має яскраві ознаки, що виключають її змішування із виробами сусідніх західнотрипільських локальних утворень. Корегування відносної дати на підставі певних статистичних підрахунків змушує відносити хут. Незаможник до початку етапу С I. Отже, комплекс знахідок з поселення ілюструє стан канівської групи у момент найбільш стабільного періоду її розвитку (2-а фаза).

Э. В. О в ч и н н и к о в.

PAINTED CERAMICS OF THE KANIV GROUP OF «WESTERN TRYPILLYA» (based on the materials of Khutir Nezamozhnyk settlement)

The article presents the analysis of painted ceramics of one of the settlements of the Kaniv group of Western Trypillya. Peculiarities of ceramic series from the Nezamozhnyk khutir are considered taking into account the maximum of technological, morphological, and stylistic features. Comparison of characteristics of Kaniv group ceramics and items from Volodymyrivka-Tomashivka shows the individuality and absolute originality of the former. A high percentage of round-conic vessels is a peculiarity of ceramic series from Nezamozhnyk khutir; the prevailing ornamental schemes are the pinked, «Tangentenreisband» and simplified liner, traditional for Western Trypillya series. Finally, the technology of production of the Kaniv group ceramics has its outstanding features which make it impossible to be taken for items of neighbouring Western Trypillya local groups. Correction of relative date based on certain statistical calculations makes the author to refer Nezamozhnyk khutir to the beginning of CI stage. Consequently, finds from the settlement illustrate the state of the Kaniv group at the moment of the most stable period of its development (2-a phase).